

ЛЕНИНГРАДСКИЙ Альманах

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

И Ю Н Ъ
Л е н и н г р а д
1957

Публикации

Д. С. Лихачев,

*член-корреспондент
Академии наук СССР*

НОВЫЙ ПЕРЕВОД „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

«Слово о полку Игореве» создано в один век с «Песней о Роланде» во Франции, «Витязем в тигровой шкуре» в Грузии, песнями о Сиде в Испании, поэзией скальдов в Скандинавии и миннезингеров в Германии. Вся эта героическая в своей основе поэзия XII в. совершенно различна по своим национальным чертам: в поэзии каждой страны воплотились наиболее характерные черты своего народа. Воплотились они и в «Слове о полку Игореве», полном мягкой, скорбной и глубоко человеческой любви к родине. Именно это бесконечно простое и лирическое чувство любви к родине привлекает к «Слову» особенное внимание поэтов и переводчиков. Перевести «Слово о полку Игореве» на современный русский язык — задача очень нелегкая. Это перевод не с иностранного языка, а с того же русского, только другой, древнейшей поры. Многие из слов и выражений остались теми же, а смысл их уже иной. Изменились оттенки значения, изменился круг поэтических ассоциаций, вызываемых тем или иным словом, оборотом, художественным образом. «Слово о полку Игореве» с детства знакомо каждому советскому человеку. Он изучал его в школе, сжился с его древнерусским языком. «Слово» стало ему родным, привычным в своем древнерусском тексте. И с этим должен считаться каждый переводчик.

«Слово» вошло в нашу поэтическую культуру. Его литературные связи необычайно широки. Оно порождено литературной традицией XII в. и, вместе с тем, прочно включилось в поэтическую культуру нового времени. Мы все знаем и любим переводы «Слова» Жуковского, Майкова, Мея. Мы в детстве еще учили «Плач Ярославны» И. И. Козлова, читали лучшие переводы, выполненные советскими поэтами.

Переводов «Слова» десятки, и многие из них очень удачны. Одни имеют право на существование, другие, больше того, составляют гордость нашей поэзии. Почему же нужны еще новые переводы «Слова»? Разве не достаточно уже созданных?

Дело в том, что есть два совершенно различных типа переводов «Слова». Одни из переводов стремятся к точности логической, к четкой передаче смысла текста, и их не требовалось бы много, если бы наука знала значение каждого слова и выражения. Но наука совершенствуется,

совершенствуется и наше понимание «Слова» — его языка, образов, отразившихся в нем реалий, — и переводы этого типа обязаны учитывать всю научную литературу о «Слове», новые его толкования. Другие переводы стремятся передать самую поэзию «Слова», это поэтические отклики на «Слово» — его поэтическое переложение. И этих поэтических переложений может быть столько, сколько существует поэтов с собственной поэтической индивидуальностью. Переводчики-поэты перекладывают «Слово» с поэтического языка XII в. на поэтический язык нашей современности. Каждое из этих поэтических переложений «Слова» будет для нас интересно и как факт русской поэзии XII в., и как факт поэзии современной. Здесь встреча двух эпох, здесь зрелая пора поэзии обращается к веку своего рождения, ибо «Слово о полку Игореве» — первое поэтическое произведение в русской литературе.

Мне вспоминаются живописные работы старинных средневековых мастеров, где на одной и той же картине несколько раз изображен тот же человек: его рождение, рядом отрочество, затем он же в зрелом возрасте — «средовек», и он же в старости.

«Слово о полку Игореве» — это детство нашей поэзии, но детство, живущее рядом с нами — «средовеками». «Слово» живет рядом с той поэзией, которая ведет свою длинную родословную от того же «Слова». Современность и актуальность подлинного произведения искусства отнюдь не зависят от его возраста. В настоящем искусстве нет ни древности, ни смерти, ни уничтожения с переходом в другой возраст.

Перевод С. В. Ботвинника преследует скромные задачи. Он не стремится к новым научным толкованиям. Его поэтичность связана с поэтичностью «Слова» в большей мере, чем с поэтической манерой самого переводчика.

Переводчик стремится дать перевод точный и поэтический одновременно, но точный без собственных толкований и поэтический — по возможности поэзией самого «Слова», без поэтических «пересадок» со стороны, без дополнительных метафор и эпитетов, на которые бывают так щедры те из переводчиков, которые любят собственную поэзию больше, чем поэзию «Слова».

С. В. Ботвинник переводит «Слово» стихами, но не вводит рифм, чуждых поэтическому сознанию XII в. Он применяет различные размеры, так как ритм «Слова» постоянно меняется, следуя смыслу текста.

В целом перевод соединяет в себе оба типа переводов, о которых мы говорили выше: он точен по смыслу и поэтичен по выражению. В этом его основное достоинство. Ниже печатается отрывок из нового перевода «Слова о полку Игореве», выполненного С. В. Ботвинником.

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пора ли начать нам, братья,
старым слогом сказывать повесть
о печальном походе Игоря,
Игоря Святославича?
И пускай та песня ведется
вслед за былями
сего времени,
а не по Боянову замыслу.

Боян вещей, если хотел он
сотворить кому свою песню,—
растекался мыслью по древу,
по земле серым волком неся,
орлом сизым — под облаками.

Вспоминал, говорят, он войны
давних, первых времен...

Тогда-то

десять соколов выпускал он
лебединой стае вдогонку —
и какую лебедь настигнут,—
та и петь начинала песню;
пела старому Ярославу
и Мстиславу храброму пела —
что зарезал Редэдю-князя
перед строем полков касожских, —
и Роману красному пела...

Но не десять соколов, братья,
слал Боян к лебединой стае —
он свои волшебные пальцы
возлагал на живые струны,
и князьям эти струны

сами

рокотать начинали славу!

Так начнем эту повесть, братья,
от времен Владимира старых
и до нынешнего Игоря...

Ум свой храбрости подчинил он
заострил он мужеством сердце,
преисполнился ратным духом
и направил храброе войско
к половецкой земле далекой —
за свою за Русскую землю.

О Боян, соловей старинный!
Кабы те походы воспел ты,—
растекаясь мыслью по древу,
к облакам простирая думы,
воедино свивая славу
дней сегодняшних и минувших,
проносясь чрез поля на горы
по тропе Трояна!

Пришлось бы

так воспеть Велесову внуку
князя Игоря:

«То не буря
чрез поля широкие носит
русских соколов,—

стаи галок

убегают на Дон великий!»

Или, вещий Боян,
внук Велеса,
можно так начать было песню:
«Еще кони ржут за Сулою —
а звенит уж в Кieve слава!
Еще трубы трубят в Новеграде —
а стоят уж полки в Путивле!»

Игорь ждет мила-брата Всеволода.
И сказал ему
буй-тур Всеволод:
— Ты один мне брат,
один светлый свет —
оба мы с тобой Святославичи!
Так седлай же, брат,
ты борзых коней,—
а мои у Курска оседланы.

А куряне — бойцы бывалые:
рождены под трубами,
взлелеяны под шлемами,
с конца копья вскормлены,
им дороги ведомы,
им овраги знаемы,
луки их натянуты,
колчаны отворены,
сабли их отточены.
Словно волки серые,
скачут они по полю,
ища себе чести,
а князю — славы!

И взглянул тогда Игорь на светлое солнце,
и увидел он воинов, тьмою прикрытых...
И сказал он дружине:
— Дружина и братья!
Быть уж лучше убиту,
чем пленником быть!
Так садитесь скорей
на коней своих быстрых,
и на синий на Дон мы посмотрим!
Склонился
князев ум
пред желаньем, — и знаменье было
жаждой Дона великого
заслонено.

— Я хочу на краю Половецкого поля
преломить копие, — так сказал он дружине, —
вместе, русичи, либо мы голову сложим,
либо Дону
шеломом сумеем испытать!

В. А. Серов. Иллюстрация к „Слову о полку Игореве“.

И вступил тогда Игорь
во стремя золотое,
и поехал по чистому полю... А солнце
тьмой затменяя дорогу ему преграждало.
Ночь грозой застонала и птиц пробудила;
свист звериный раздался,
и див на вершинах
закричал,
чтоб слышали незнаемы земли,
да Поморье,
да Волга,
да Сурожь,
да Корсунь,
да по Сўле,
да ты,
идол Тмутараканский!
А к великому Дону,
дорог не готовя,
побежали уж половцы...

В полночи слышно:
лебединой распуганной стае подобно,
их телеги кричат:
«Игорь двинулся к Дону!»

Вот, беды ожидая, слетаются птицы,
стали волки
 грозу подымать по яругам,
клекотанье орлов
 манит зверя на кости,
и лисицы
 на красные брешут щиты.

О Русская земля!
Уже ты за холмом!

Долго ночь наступает.
 Заря отпылала.
Мгла покрыла поля.
 Щекот смолк соловьиный.
Говор галок раздался...
 Широкое поле
войско русское
 разгородило щитами,
ища себе чести, а князю славы.

Спозаранок в ту пятницу
 смяли поганых
и, рассыпавшись стрелами в поле, помчали
красных дев полсвецких,
а с ними и злато,
драгоценные паволоки, оксамиты.
Кожухами,
 плащами,
 узбóрчьем разным
намостили мосты
 по болотам и топям,
а червленое знамя,
 серебряно древко
вместе с челкой червленной и белой хоругвью
Святославичу храброму
с бою достались!

Дремлет в поле Олега гнездо боевое.
Далеко залетело!

 А рóждено было,
чтоб обидеть не смели
 ни сокол, ни кречет
и ни ты, черный ворон
 с земли половецкой!
Гзак бежит серым волком
 к великому Дону,
путь Кончак ему кажется...

Назавтра, под утро
первый свет возвещают кровавые зори,
тучи черные движутся с моря,
как будто
тьмой окутать четыре задумали солнца,—
и трепещут в них синие молнии грозно...
Быть великому грому!

И стрелами с Дона
проливаться дождю!
Изломиться тут копьям
и побиться тут саблям о вражьи шеломы
на Каяле-реке у великого Дона!

О Русская земля!
Уже ты за холмом!

Ветры, внуки Стрибожьи, от синего моря
веют стрелы на воинов Игоря храбрых...
Загудела земля,
реки мутными стали,
пыль прикрыла поля,
слышно стяги глаголят:
— С Дона половцы, с моря идут — отовсюду,
войско русское с разных сторон обступают!

Дети бѣсовы кликом поля преградили,—
преградили и русичи храбры — щитами.

Буй-тур Всеволод!
В сáмом сраженье стоишь ты!
Прыщешь стрелы в поганых, гремишь о шеломы
ты мечами булатными!

Где ни поскачешь
ты,
посвечивая золотым своим шлемом,—
много ляжет
поганых голов половецких!

Рассекаешь калеными саблями храбро
ты аварские шлемы,
тур Всеволод!
Ран ли
убояться,
о братья,
забывшему в битве
достоянье и род,
и Чернигов, в котором
отчий стол золотой, —
и желанной, прекрасной
Ольги Глебовны милой
обычай,
свычай...

Перевод Семена Ботвинника